

Секция «История России с древнейших времен до конца XVIII в.»

**«Святость» и «философия» в переписке Максима Грека и Ф. И. Карпова как
маркеры *memoria ecclesiae***

Научный руководитель – Дутчак Елена Ерофеевна

Игнатъев Даниил Васильевич

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Исторический факультет, Томск, Россия

E-mail: zer11zer@mail.ru

Для интеллектуальной культуры Московского царства начало XVI в. ознаменовалось появлением большого количества полемических произведений. В центре подобных сочинений оказывались проблемы экуменизма (церковного унияства), ереси и еретичества, святости и определения отношения к знанию «*внешних философов*» и латинян, а также устройства государства и политических идеалов. Антилатинские полемические сочинения XV - XVI вв., рассматриваемые как единый Текст коллективной памяти русских церковных интеллектуалов, содержали в себе ряд некогда поставленных вопросов - о *filioque*, опресноках и так далее. В это же время возрастала роль переводческой деятельности, и среди московских книжников, владевших различными языками (в том числе культурными), образуются кружки лиц. Лидером одного из таких «кружков» стал Максим Грек, православный афонский инок, одновременно причастный к нескольким культурным мирам - западному, греческо-византийскому и русскому. Деятельность «Московской академии» Максима Грека была обусловлена запросом со стороны великого князя Василия III, а именно необходимостью перевода и исправления священных текстов, необходимых «горячей», по выражению Я. Ассмана [1], культурной памяти московского общества для полемики с еретиками и иноверцами.

В докладе будет рассмотрена переписка Максима Грека с представителем московской интеллектуальной элиты Фёдором Карповым с исследовательского ракурса понятия «церковной памяти» (*memoria ecclesiae* [2]). «Церковную память» здесь следует понимать как особую коллективную память, развивающуюся в лоне Церкви и содержащую в себе набор разного авторитета образов, ссылок и фигур памяти церковной истории, Священного Писания и Священного Предания. Подобная форма коллективной памяти конституируется акторами и агентами, идентифицирующими себя с единым мистическим телом Церкви и принадлежащими к одной конфессии. Фёдор Карпов был одним из самых передовых интеллектуалов своего времени, он, как и Максим Грек, находился в едином культурном и географическом пространствах с остальными московскими интеллектуалами, книжниками и политическими деятелями, а значит Фёдор Карпов был одним из ключевых агентов формирующегося русского социокультурного пространства [4]. Знакомство этих двух крупных фигур московского общества состоялось посредством насыщенной переписки [5], охватившей целый круг проблем - сюда входила историческая и догматическая полемика с римокатолическим еретиком Николаем Немчином, ряд экзегетических вопросов, проблема «самовластия» человека в контексте астрологических споров конца XV - начала XVI в. Максим Грек, предположительно получивший противоречивую информацию о высказываниях Фёдора Карпова от работника своей «академии» Власия, оказывается обвинённым в несогласии собственных высказываний со Священным Преданием. В системе авторитетности источников, которой придерживался Максим Грек [3], Священное Предание, как и Священное Писание и история *Pax Orthodoxa*, занимает одно из важнейших мест. Владеющий приёмами работы с текстами западной ренессансной коллективной памяти, Максим

Грек последовательно разграничивает авторитетность Священного Писания (священного канона текстов, знакомого всем московским книжникам-интеллектуалам), Священного Предания (посредством обращения к комментариям святых отцов, решениям Вселенских Соборов, истории Церкви и церковных людей, фигур церковной памяти) и сочинений античных и не только философов. Эти обстоятельства заставили афонского инока, хорошо чувствовавшего кризис ортодоксальности в московском обществе, ответить в обвинительном тоне: «*Ты укоряешь меня за это, как будто я неподобающе мудрствую и не согласно с церковным преданием*». Подкрепляя истинность своих слов о природе Бога-Отца, святогорец обращается к авторитетной фигуре Григория Богослова, указывая, что сказанные слова «*не Максимова догма*». Топосом, позволившим двум интеллектуалам установить солидарность между собой, стал известный Священному Преданию конфликт между святителями Иоанном Златоустом и Епифанием Кипрским, в роли которых Максим Грек и предлагает почувствовать себя собеседнику.

В докладе будет сделана попытка доказать ряд следующих тезисов:

- Коллективная травма, выразившаяся в столкновении православного мира и сообщества православных интеллектуалов с «латинским нечестием» в 1439 г., последующие разрыв отношений Русской и Константинопольской Церквей в 1448 г., падение Ромейской империи в 1453 г. и эсхатологические кризисы 1492 и 1524 гг. обусловили острую полемическую направленность ряда сочинений авторитетнейших московских интеллектуалов.
- Ключевым способом познания для Максима Грека является путь «*внутренней церковной и благодаренной философии*», который противопоставляется «*внешнему диалектическому ведению*» западных философов и церковных авторитетов, которые «ни в чём не смеют перечить фигуре папы римского». Именно вера и очевидная авторитетность Священного Писания становятся во главе полемических стратегий православного инока-святогорца.
- Можно говорить о складывании особой, «церковной», связанной с *memoria ecclesiae* идентичности Максима Грека, которая устанавливает правила использования «благих начинаний», то есть инструментов других коллективных идентичностей в целях духовного просвещения. Исследователи стремились представить Максима Грека как писателя, имеющего идентичность греческого интеллектуала, как грека, ставшего московским книжником, но на деле сам Максим Грек конституировал свою принадлежность к миру православного монашества («*а философом ради Бога не называй меня. Я инок, больше всех невежа*»). Солидарность на почве *memoria ecclesiae* позволила святогорцу установить плодотворный диалог с обществом русской интеллектуальной элиты.

Источники и литература

- 1) Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
- 2) Гардзанини М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. Т. LVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 28-40.
- 3) Гардзанини, М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. — М.: «Индрик», 2014. — 232 с.
- 4) Журова Л.И. Переписка публицистов как опыт формирования интеллектуальной идентичности в Московской Руси XVI в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 51–57.

- 5) Преподобный Максим Грек. Сочинения. Том I. – М., «Индрик», 2008. – 568 с.